

На правах рукописи

Изотова Надежда Николаевна

**СВОЕОБРАЗИЕ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В ЯПОНСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата
культурологии

19 АПР 2012

Москва – 2012

Работа выполнена на кафедре японского, корейского, индонезийского и монгольского языков Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России.

Научный руководитель: доктор культурологии, профессор
Гуревич Татьяна Михайловна

Официальные оппоненты: **Алпатов Владимир Михайлович**
член-корреспондент РАН,
доктор филологических наук, профессор,
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки «Институт востоковедения
РАН», заместитель директора

Данчевская Оксана Евгеньевна
кандидат культурологии, доцент,
Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Московский педагогический
государственный университет», кафедра
фонетики английского языка факультета
иностранных языков, доцент

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный Университет

Защита диссертации состоится «16» мар 2012 г. в 10.30 часов
на заседании диссертационного совета Д 501.001.28 при Московском
государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119192
г. Москва, Ломоносовский проспект, дом 31, корпус 1, факультет
иностранных языков и регионоведения, ауд. 107

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан « » _____ 2012 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Жбанкова Елена Васильевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современное языкознание характеризуется возрастанием роли антропоцентрического, культурологического и когнитивного подходов к изучению языка, который выступает источником сведений о концептуальных структурах сознания. Новая научная парадигма ставит новые задачи в исследовании языка, особое внимание уделяется вопросам соотношения языка и культуры, языка и национального менталитета, языка и национального сознания, а также языка и национальной самобытности.

Данная работа выполнена в русле современных лингвокультурологических исследований, изучающих проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке.

Актуальность исследований ключевых концептов, в том числе исследуемого концепта, обуславливается как интралингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, к которым можно отнести следующие: изменение ценностных ориентиров в экономике, политике, науке, образовании; антропологический характер современной научной парадигмы, внимание к личности, в том числе, языковой; внимание к языку как социокультурному фактору национальной идентичности, как средству национального самоопределения.

Идея СЧАСТЬЯ занимала людей ещё со времен античности. Различные фелицитарные (от латинского *felicitas* – счастье) концепции разрабатывались Аристотелем, Сенекой, Эпикуром, Августином Блаженным, Фомой Аквинским, Конфуцием. В Новое время их не оставили без внимания Гельвеций, Фейербах, Бентам, Милль. Фундаментальный труд «О счастье и блаженстве человека» принадлежит польскому философу В.Татаркевичу. Своё суждение о счастье высказывали практически все мыслители, занимавшиеся вопросами этики.

Такой значительный интерес к СЧАСТЬЮ со стороны умнейших людей всех времён подтверждает, что представления о счастье принадлежат к наиболее коренным категориям культуры, являются ядром национального и индивидуального сознания, а отношение к нему входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека. В силу своей этнокультурной специфичности этот концепт получает неодинаковую, а зачастую, и противоречивую трактовку в контекстах различных культур. Именно поэтому изучение концепта «счастье» в японской лингвокультуре представляется интересным не только с точки зрения анализа его лексико-семантических характеристик, но и с целью выявления его аксиологического значения как отражения социокультурных ценностей.

Будучи ключевым компонентом национальной культуры, концепт «счастье» формирует основные установки жизненной философии японцев, является значимым для понимания характерных особенностей японского менталитета. Его комплексное исследование будет способствовать

преодолению ограниченности некоторых представлений, лучшему пониманию мотивов поведения как отдельного человека, так и нации в целом, что позволит успешно преодолевать барьеры, возникающие в процессе межкультурного общения.

Объектом исследования в данной работе является регулятивный, архетипический, метафизический концепт «счастье» в японском языке.

Предметом исследования выступает анализ лингвокультурных характеристик исследуемого концепта на материале японской лексики и фразеологии, определение его понятийной, образной и ценностной составляющей.

Цель диссертационной работы – комплексное исследование концепта «счастье» в японском языке, определение факторов, влияющих на его формирование, средств актуализации в национальном сознании.

Задачи исследования:

1. исследовать понятие «концепт» как предмет лингвокультурологического изучения, показать методологию его описания, дать краткий обзор различных фелицитарных концепций в философских исследованиях, определить психологические основы данных концепций.

2. установить способ вхождения концепта «счастье» в состав японской этнокультуры, оценить его основные понятийные, образные и ценностные компоненты с точки зрения культурной специфичности и универсальности в качестве ключевого концепта, обладающего экзистенциальной значимостью для любой лингвокультуры.

3. выявить специфические особенности японской национально-культурной и исторической традиции, влияние традиционных религий и культов на формирование концепта «счастье».

4. рассмотреть ключевые направления развития фелицитарных концепций в Японии в различные исторические эпохи.

5. произвести лексико-семантический анализ лексем, репрезентирующих концепт «счастье» в японском языке с целью выявления концептуально значимых признаков счастья, определить содержание национально-культурной коннотации путем соотнесения ассоциативно-образных восприятий счастья со стереотипами, отражающими японский менталитет.

6. изучить экспликацию концепта «счастье» в паремиологическом фонде японского языка.

7. показать этнокультурную репрезентацию концепта «счастье» в обрядах, ритуалах, культурных стереотипах, символах, мифологических воззрениях, установках культуры, связанных с его понятийной, ценностной и образной составляющей.

8. выявить особенности японской идентичности и традиционной морали, влияющих на формирование представлений о счастье.

9. представить динамику развития фелицитарных концепций в современном японском обществе в эпоху глобализации, определить место и роль концепта «счастье» в социальном и политическом дискурсе в наши дни.

10. проиллюстрировать способы концептуализации дихотомии концептов «счастье» – «несчастье» в национальном сознании, показать особенности японского национального характера, проявившиеся во время землетрясения 11 марта 2011 года.

Методологической основой исследования являются:

1. общепhilософский подход, способствующий пониманию онтологии объекта.

2. когнитивный подход, представляющий язык как средство познания.

3. антропоцентрический подход, рассматривающий язык с точки зрения «человеческого фактора».

4. аксиологический подход, позволяющий установить посредством изучаемого концепта ценностное отношение человека к бытию и окружающему миру.

В качестве **методов исследования** были применены :

1. концептуальный анализ

2. компонентный и сопоставительный анализ

3. междисциплинарный синтез

4. анализ словарных дефиниций

Материалом для исследования послужила лексика, используемая для обозначения концепта «счастье» и японская фразеология. В качестве единицы анализа рассматривался текстовый фрагмент, в котором обозначен или выражен исследуемый концепт. Они составили корпус языковых текстов, объективирующих концепт «счастье» в японском языке, из которого для лингвокультурологического анализа было отобрано более 3000 единиц, в том числе 1000 лексических единиц, более 1000 словарных иллюстраций, более 500 паремий, 500 текстовых фрагментов.

Источником послужили материалы и источники широкого спектра: литературные, религиозные, историко-философские, лингвистические, психологические и социально-психологические, тексты научно-популярной литературы, газетные статьи, материалы, собранные автором во время работы в Японии¹, данные сплошной выборки из толковых, двуязычных, этимологических, синонимических, словообразовательных, фразеологических, философских, исторических, электронных словарей, из сборников пословиц и поговорок, информация из энциклопедических справочников и сети Интернет.

¹ В разные годы в течение 15 лет автору приходилось работать референтом-переводчиком Посольства СССР/РФ в Японии, консультантом в японских компаниях, преподавателем русского языка как иностранного в японских университетах – «Николай гакуин» («Токийская академия Николая гакуин»), «Токно роснага гакуин» (Токийский институт русского языка).

Теоретическими основами исследования являются идеи, заложенные в работах по лингвокультурологии (работы С.Г.Воркачева, В.В.Воробьева, В.И.Карасика, В.В.Колесова, В.В.Красных, В.А.Масловой, Г.Г.Слышкина, В.Н.Телия, С.Г.Тер-Минасовой и др.), когнитивной лингвистике (труды Н.Ф.Алефиренко, А.П.Бабушкина, Н.Н.Болдырева, А.Вежбицкой, В.З.Демьянкова, З.Д.Поповой, Ю.С.Степанова, И.А.Стернина и др.), психолингвистике (работы Л.С. Выготского, А.А. Залевской, А.А. Леонтьева, А.Р.Лурия, Р.М.Фрумкиной и др.), философии языка и семантике (работы Ю.Д.Апресяна, Н.Д.Арутюновой, Л.Витгейштейна, Л.О.Чернейко и др.), мифологии и культурологии (исследования А.Н.Афанасьева, А.А.Потебни, В.Н.Топорова и др.).

В японистике лингвокультурологические проблемы рассматриваются в работах В.М.Алпатов, Т.М.Гуревич, Е.В.Маевского.

Научная новизна настоящей работы заключается в получении комплексных характеристик концепта «счастье» с учетом их включения в широкий контекст философских, религиозных, психологических, национально-культурных воззрений. Исследованием вербализации концепта «счастье» в культуре носителей разных языков занимались многие ученые (С.Г.Воркачев, И.С.Гаврилова, Д.Д.Лагаева, И.Б.Русакова и др.), однако анализ понимания счастья носителями японского языка методом концептуального анализа проводится впервые. Предпринимается попытка анализа специфических особенностей менталитета японцев и японской культуры, рассматриваются глобальные факторы, влияющие на формирование концепта «счастье» в наши дни, динамика и развитие «теорий счастья» в современном японском обществе. Приводится описание лексико-семантического уровня репрезентации концепта «счастье», устанавливается этимология и история развития содержания соответствующих лексем.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования, результаты комплексного описания концептов могут представлять интерес для дальнейших научных поисков в области когнитологии и лингвокультурологии, способствовать более глубокому пониманию природы ментальных сущностей. Комплексный подход, реализуемый при исследовании концептов «счастье» в японской и русской лингвокультурах, позволяет проследить закономерности формирования обобщенной семантики ключевых лексем, которая во многом обусловлена аксиологической направленностью и антропоцентричностью исследуемого концепта. Лингвокультурологический анализ концепта СЧАСТЬЕ в японском языке может способствовать дальнейшему развитию теории межкультурной коммуникации, созданию перспективы для описания концептосферы японского языка.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы и основные положения работы могут использоваться при изучении вопросов, связанных с культурой Японии и японского языка, в курсе лекций по

языкознанию, культурологии, практике преподавания японского языка и русского как иностранного. Результаты диссертационного исследования способствуют созданию новой концептуальной основы для разработки стратегии взаимодействия между различными культурами с опорой на позитивные ценности при сохранении этнокультурной самоидентичности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Представления о счастье, характеризующиеся сложностью и многогранностью, являются одними из ключевых в японской национальной картине мира. Они определяют жизненный мир каждого индивида, во многом влияют на его отношение к окружающей действительности, выступают как оценочные суждения о смысле жизни в целом

2. Концепт «счастье» представляет собой сложное ментальное образование, в составе которого выделяются следующие компоненты: понятийные – благоденствие, здоровье, благополучие, потомство, труд, успех, деньги, спокойствие; образные, образующиеся в результате метафоризации определенных значений; аксиологические, связанные с положительной оценкой счастья как важнейшего компонента человеческой жизни, осознание которого происходит на фоне противоположного чувства – несчастья, страданий.

3. Этнокультурные особенности концепта «счастье» определяются монистичным характером мировосприятия японцев. Идея творца, существующая отдельно от творения, чужда их религиозному видению. Материя и дух сливаются, между субъектом и объектом нельзя провести четкую разграничительную линию. Человек не противопоставляется миру, а погружен в него.

4. Культура и мораль не противопоставляются природе, счастье как высший смысл жизни видится в возвращении общества к первозданной чистоте и гармонии.

5. Интуитивный и эмоциональный образ мышления японцев, приоритет конкретного над абстрактным, преобладание партикуляристских ориентаций над универсалистскими приводят к восприятию конечной реальности через призму «здесь и сейчас». Следовательно, счастье в национальном сознании расценивается как сиюминутное, призрачное, мимолетное.

6. «Любовь/страсть» не являются ярко-выраженной понятийной составляющей концепта «счастье», а находятся на периферии его лексико-семантического поля. Ядро концепта – «долг», «самопожертвование», «взаимопомощь».

7. Счастье в культурно-исторической традиции не служит ценностным критерием жизни индивида, в социуме не принято провозглашать обязательность достижения счастья, японцев отличает т.н. «боязнь» счастья, склонность его «преуменьшать».

8. Концепты «счастье» и «несчастье» в японской лингвокультуре амбивалентны, зачастую одно вытекает из другого. В минуты бедствий японцы проявляют лучшие черты своего национального характера, демонстрируют удивительную сплоченность, подтверждают, что т.н. «самурайский дух», «дух жертвенности» еще жив в культурной традиции. Выполнение долга коннотируется в национальном сознании с высшим предназначением человека, отдать жизнь ради спасения других людей – это истинное счастье в идеалистическом представлении японцев.

9. Процессы глобализации приводят к трансформации понятийных, образных и аксиологических компонентов концепта «счастье», что свидетельствует о необратимом процессе влияния западных стандартов, ставящих во главу угла индивидуализм, погоню за материальными благами и наслаждениями, на традиционные нормы японской морали и размывание исконной японской идентичности.

10. Несмотря на то, что в эпоху глобализации индивидуализация становится приоритетной идеей для японской молодежи, до сих пор в силу сложившихся национально-культурных традиций доминирующими для японцев остаются общественные интересы, которые превалируют над личными. Поэтому в сознании носителей японского языка «личное», «семейное счастье» неразрывно связано с «общественным счастьем».

Апробация работы. Основные положения диссертации и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, были представлены в докладах на восьмом и девятом межвузовском семинаре «Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения», в докладе на 14-й международной конференции «Россия и Запад: диалог культур», на семинарах для преподавателей японского языка в Институте стран Азии и Африки при МГУ, проводимых при содействии Японского Фонда. Кроме того, апробация работы проводилась более пятнадцати лет в ходе практического преподавания русского языка как иностранного, чтения лекций в японских университетах и общения с носителями японского языка, принадлежащими к различным социальным слоям общества.

Структура и объем работы. Структура диссертационной работы подчинена целям и задачам исследования. Она состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии. Содержание работы изложено на 192 страницах, список использованной литературы включает 250 наименований источников, в том числе - 166 источников на русском языке, 84 источника на японском и английском языках, не считая периодические издания и Интернет-ресурсы. Общий объем диссертации составляет 211 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается общая характеристика диссертационной работы, обосновывается актуальность темы исследования, объект и предмет рассмотрения, определяются цель и задачи исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, характеризуется методологическая основа работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава – «Аксиологический смысл концепта СЧАСТЬЕ» состоит из трех **разделов**: «Языковой концепт как базовое понятие лингвокультурологии», «Объективно-субъективная природа фелицитарного аспекта человеческой жизни как предмета исследования в гуманитарных науках. Обзор этнокультурных особенностей фелицитарных концепций», «Влияние религий на основополагающие представления японцев о счастье».

В первом разделе обобщаются теоретические сведения о концепте как базовом понятии лингвокультурологии, рассматриваются разные подходы к определению концепта. Лингвокультурный подход состоит в том, что концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом, доминантой. По словам Ю.С. Степанова: «При описании концепта историк культуры должен стремиться показать не только коллективные представления, как реальности общества, но и гипотезы, создаваемые об этой реальности наиболее выдающимися членами общества (мыслители, писатели)»². Практически все исследователи обращают внимание на сложность структуры и неоднородность концепта как мыслительного конструкта. Вместе с тем, не менее важной проблемой для лингвистов всех направлений является выбор оснований для классификации концептов. Так, концепты в зависимости от формы выражения подразделяют на лексические, фразеологические, синтаксические (А.П.Бабушкин, З.Д.Попова, И.А.Стернин); учитывая дополнительные смыслы концептов, различают познавательные и художественные концепты (С.А.Аскольдов); в зависимости от того, на какое число людей они направлены, выделяют универсальные, этнические, групповые, индивидуальные (Д.С.Лихачев).

Во втором разделе рассматриваются теоретические подходы к осмыслению категории счастья, дается краткий обзор фелицитарных направлений и учений. Философы интерпретируют счастье как многополярную метафизическую категорию, имеющую имплицитно обусловленный, исторически изменчивый характер. Психологи считают счастьем состояние переживания удовлетворенностью жизнью в целом, общую рефлексивную оценку человеком своего прошлого и настоящего, обозначая подобное мироощущение термином «субъективное благополучие».

В настоящее время большинство энциклопедических источников

² Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004. – С.60.

определяет счастье как «понятие морального сознания»³, обозначающее состояние человека, которое может соответствовать наибольшей удовлетворённости условиями своего бытия, полноте и осмысленности жизни. Данное определение констатирует различные, хотя и связанные стороны счастья, которое складывается из двух – внутренней и внешней – составляющих: «моральных качеств человека и совокупности факторов, определяющих его жизненное благополучие (здоровье, материальный достаток, везение и т.д.)»⁴.

Фелицитарные идеи существовали во все эпохи, их можно найти в философских воззрениях мыслителей с древности и до наших дней. Концептуальная интерпретация счастья имела место в гедонизме, эвдемонизме, утилитаризме.

В третьем разделе рассматривается влияние синтоизма, буддизма, конфуцианства и даосизма на формирование концепта «счастье».

Синто 神道, букв. «путь богов», – древняя японская религия, и хотя ее истоки до сих пор не установлены, все исследователи единодушны в том, что она возникла и развивалась в Японии независимо от китайского влияния. Как отмечает В.М. Алпатов, японский язык и синто единственные действительно исконные компоненты японской культуры⁵.

В *синто* нет основателя религии, нет абсолютного божества, создателя всего сущего. Функция создания мира реализуется через гармоническое взаимодействие различных богов – 神 *ками*, исполняющих возложенные на них миссии. Огромное количество богов и духов постоянно живут рядом с людьми, от них нельзя ничего утаить, поэтому и поступки и помыслы должны быть чисты. Для японца *синто* – это нечто большее и всеобъемлющее, чем религиозные представления. Это естественный и гармоничный порядок всего сущего, весь окружающий его мир, сама жизнь во всех её проявлениях.

К богам *синто* относятся предки ныне существующих японцев, соответственно, умершие также со временем приравниваются к богам. Согласно комплексу идей 国体 *кокутай* (букв. «тело государства»), небесные боги до сих пор продолжают жить во всех японцах и действовать через них, а император – это, по существу, живой бог. Хотя *синто* не формирует конкретного свода моральных правил и предписаний, именно *синто* задает вектор нравственному сознанию японской личности, указывает направление по пути к достижению СЧАСТЬЯ. Культ предков, идея божественного происхождения японской нации определяют такие характерные черты японского этноса как уважение к старшим, сплочённость, глубокое осознание своей самобытности и уникальности.

³ Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С.668.

⁴ Всемирная энциклопедия: Философия. / Главн. науч. ред. и сост. А.А.Грицанов – М.: АСТ, ЛЕН.: Харвест, Современный литератор, 2001. – С.1240.

⁵ Алпатов В.М. Япония. Язык и культура. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С.20, 22.

Нравственно-религиозные постулаты буддизма оказали влияние на прагматическое и далекое от глубокого осознания религиозных корней своего мировоззрения японское национальное сознание, в котором концепт «счастье» неразрывно связан с древними буддийскими истинами: «Самое главное – это умение контролировать свою душу. Надо уметь сдерживать свои желания и победить себя. Надо вести себя правильно, держать душу в чистоте и быть верным своим словам. Надо перестать желать, забыть гнев, держаться подальше от зла и никогда не забывать, что жизнь брэнна»⁶.

Буддизм сосредотачивает внимание на внутренних проблемах человека, требует интроспективного подхода к миру. Счастье и несчастье, печали и радости, добро и зло в буддизме неразрывно связаны между собой. «Человек боится несчастья и желает счастья. Но если посмотреть на эти понятия глазами с истинным разумом, то выяснится, что несчастное состояние есть что иное, как счастливое состояние»⁷.

Буддизм принёс в японскую культуру понимание чёткой обусловленности причины и следствия поступков, личной ответственности не только за своё счастье, но и счастье последующих поколений (концепция кармы). Став органической составляющей японской духовной культуры, он наполнил новым содержанием такие метафизические категории, как жизнь, судьба, счастье, несчастье, смерть. Жизнь – это страдание, поэтому счастье может быть только призрачным и мимолётным. Счастливый человек – созерцатель, отказавшийся от привязанностей, желаний, стремящийся вырваться из круга жизни и смерти путём нравственного самосовершенствования и духовного развития.

Конфуцианство, как и даосизм, не является в Японии отдельной религией, однако конфуцианские идеалы – особенно уважительное отношение детей к родителям и верность граждан своим правителям стали неотъемлемой частью японской жизни и японского сознания. Конфуцианство сыграло роль регулятивно-поведенческой основы японского общества. Адаптируя конфуцианское этическое учение под особенности национально-культурной традиции, наполняя теоретические идеи новым содержанием, японцы использовали его в качестве основы воспитания и образования. Заповедь Конфуция: «Когда родители живы, служить им по правилам, когда они умрут, похоронить их по правилам и по правилам приносить им жертвы»⁸ японцы неукоснительно соблюдают на протяжении веков.

Конфуцианские идеи не потеряли актуальности и в наши дни. До сих пор система отношений «начальник-подчинённый» во многих компаниях строится на принципах единой семьи, сыновней почтительности и преданности руководству.

⁶ Буккё: сэйтэн. (Учение Будды). – Буккё: дэндо: кё:кай (Общество проповедования буддизма). Токио, 1985. – С. 11.

⁷ Там же. – С. 191.

⁸ Конфуций. Беседы и суждения. Лунь. Юй. – СПб., Издательский дом «Кристалл», 2001. – С. 23.

Китайские идеи, связанные с гармонизацией человеческой жизни, слились с представлениями о *ками*, природе и ритуалах. И в наши дни очень многие ритуалы в Японии совершаются в соответствии с китайским календарем, включающим много характерных черт даосизма. Все важные события в жизни японцы стараются приурочить к «счастливому» дню в календаре, очень популярные приемы гадания также уходят своими истоками в даосизм.

Стержневой элемент китайской натурфилософии и религиозного сознания – жизнь в соответствии с 道 *дао* (яп. *до*) – «путь» и невмешательство в него воспринимается японцами как самоустранение, уступчивость, отказ от желаний и от борьбы, воссоединение с природой, достижение гармонии. Опираясь на философию «недеяния», даосы считают, что ничто не может нарушить естественный путь жизни, рано или поздно все приходит к своей противоположности: несчастье есть основа для счастья, а в счастье уже зарождается будущее несчастье. «Хвала тебе, несчастье! Ведь счастье всех зависит от тебя. Хвалю тебя, о счастье! Собою прикрываешь ты несчастье. Кто в состоянии держать обычной меры грань? Кто знает час, когда прямое вдруг становится обратным?»⁹.

Во второй главе – «Фелицитарные концепции в Японии» в целях экспликации философско-аксиологического смысла концепта «счастье» предпринимается попытка выделить и рассмотреть фелицитарные составляющие философских и этических учений выдающихся мыслителей Японии разных эпох, оказавших влияние на формирование национального самосознания.

Монах *Кукай* (774-835), получивший посмертное имя 弘法大師 *Кобо Дайси* (букв. «великий учитель, распространявший закон»), вошел в историю как мудрый политик, просветитель, человек искусства, писавший стихи и трактаты по истории поэзии, великолепный каллиграф (ему приписывают создание японской азбуки *хирагана*) и как философ, основатель школы эзотерического буддизма *Сингон*¹⁰. Кукай провозгласил, что эзотерический буддизм обладает «сокровенными», трансцендентными способами достижения «состояния Будды» в течение одной жизни и предложил практический путь достижения счастливого состояния 即身成佛 *сокусин дзэ:буцу* – статья «Буддой в настоящем теле». Учение монаха *Кукай* отождествило достижение просветления, «состояния Будды» с реализацией «сияющего сознания».

Огу Сорай (1666-1728), представитель школы 古学派 *когакуха* – «школа древнего учения», автор многочисленных трудов по филологии, философии, музыке, военному делу, политике, переосмыслил и развил

⁹ Лао-цзы. Дао Дэ Цзин. Два вектора на Графике Первоединства. / Перев. с кит., предисл., илл. А.Ю. Гольштейна. – Орл.: «ИНБИ», 2003. – С. 96.

¹⁰ Слово 真言 *сингон* означает «истинное, правильное слово» или *мантра* – молитвенная формула.

ключевые понятия конфуцианства и даосизма 道 *дао* – «путь», 德 *дэ* (яп. *току*) – «добродетель», наполнил их национальным японским колоритом, обусловленным спецификой японской культуры и влиянием синтоистского мировоззрения. Его представления о совершенномудрых, природе человека, небе позволяют приблизиться к пониманию представлений его современников о смысле жизни и счастье как его главной составляющей.

В концепции *Сорай дао* трактуется, как *дао* общества, ориентированное не на отдельную личность, а на социум в целом, то есть «внешнее», а *дэ* как «внутреннее», присущее самому человеку. Учение о «великом» и «малом» становится главным принципом его философской системы. Таким образом, к категории «внешнего», идеального, к чему должен стремиться каждый, относятся три высших реальности – *дао*, совершенномудрые, небо. *Дао* приобретает надличностный характер. Данные идеи оказали большое влияние на развитие японской мысли и т.н. «группового сознания», зависящего от «внешней» оценки группы, к которой принадлежит каждый индивид, не мыслящий своего счастья вне социума.

Мотоори Норинага 本居宣長 (1730-1801), один из крупнейших представителей 国学派 *кокугакуха* – «школы национальных наук», отвергая «всё китайское», в том числе конфуцианство и буддизм, создал учение о национальной исключительности и превосходстве японцев над другими народами. По его мнению, каждый японец должен быть счастливым по определению, так как он принадлежит к «божественной нации». Концепция *Норинага* «истинного сердца» (*магокоро*) рассматривалась учёным как воплощение всего подлинного японского, способного распознавать скрытую суть всех вещей и явлений (*моно-но аварэ*). Ключевое понятие конфуцианства и даосизма *дао* он отождествлял с *магокоро*, отвергая общепринятую трактовку Пути как системы этических ценностей. *Норинага* полагал, что японцы в силу их «естественной моральности» знают, что им следует делать от рождения, тем более, что все в мире зависит от воли богов – плохих и хороших. Поэтому счастье *Норинага* видел в общественной гармонии и следовании естественному ходу вещей.

Японские просветители эпохи *Мэйдзи*, члены японского просветительского общества *Мэйрокуся Ниси Аманэ* (1829-1896), *Фукудзава Юкити* (1835-1902), *Цуда Мамити* (1829-1909) сыграли большую роль в развитии общественной мысли в Японии, распространении в Японии философских идей и культуры Запада, западной буржуазной морали.

Фелицитарная составляющая философии *Ниси Аманэ* по сути близка к утилитаризму Джона Милля, понимающего пользу как наслаждение или отсутствие страдания. Главными составляющими счастливой жизни *Ниси Аманэ* считал здоровье, знание, богатство.

Цуда Мамити разделял идеи гедонизма, рассматривая стремление к наслаждению в качестве основного движущего начала в человеке, заложенное

в нем от природы, определяющее все его поступки.

Фукудзава Юкити неперенным условием достижения счастья в обществе провозгласил достижение свободы и равенства, а счастье каждого индивида связал с достижением независимости и чувством собственного достоинства.

Философ-идеалист *Нусида Китаро* (1870-1945) общественное развитие представил как результат взаимодействия общего – небытия и отдельного – человеческих индивидов. Фелицитарная составляющая учения *Нусида* в реферируемой работе рассматривается на примере работы «Изучение блага» (善の研究 *дзэн но кэнкю*), которая принесла ему общенациональную известность как первому «истинно японскому философу» XX века.

Счастье *Нусида* отождествлял с благом, под которым понимал духовное развитие, пробуждение самосознания, стремление к идеалу. В погоне за наслаждениями видел проявление эгоизма человеческой природы. «Каждая вещь обладает своей сущностью. Бамбук имеет сущность бамбука, сосна – сосны. Человек должен стремиться к тому, чтобы раскрыть свою человеческую природную божественную сущность (人間の天性自然を發揮する *нингэн-но тэнсэй сидзэн о хаки суру*), и это для человека будет благом¹¹.

Ценностной составляющей счастья, высшим удовольствием *Нусида* также считал красоту. Хотя он стремился доказать принципиальное отличие восточной философии, исходящей из буддизма, от западной, утверждая, что истинное бытие может быть постигнуто только интуитивно, благодаря особому способу рассмотрения вещей, многие исследователи считают, что его взгляды близки западно-европейской идеалистической философии XX века, прежде всего, экзистенциализму.

Третья глава – «Этноязыковая репрезентация концепта «счастье» посвящена лексико-семантическому анализу исследуемого концепта в японской языковой картине мира, его актуализации в паремиологическом фонде японского языка. Этнокультурная репрезентация концепта рассматривается на примере обрядов, ритуалов, культурных стереотипов, символов, мифологических воззрений, связанных с его понятийной, ценностной и образной составляющей.

Проведенный лексико-семантический анализ концепта «счастье» показал разнообразие лексико-фразеологических средств его репрезентации, образующих обширное семантическое поле. Разнообразие актуализаторов, синонимические и антонимические средства, многие из которых имеют словообразовательные подсистемы, подтверждают, что данный концепт является ключевым в концептосфере японского языка, формирует этнокультурное сознание. Ядерную зону концепта составляют его базовые вербализаторы – слова японского происхождения 幸せ *сиаваэ*, 幸い *сайвай*,

¹¹ 善の研究 <http://www.aozora.gr.jp/cards/000182/files/946.html>

а также японское слово из китайских корней 幸福 *ко:фуку*. Данные слова не совпадают полностью в объеме своего содержания, однако все они включают сему «счастье», образуют обширную словообразовательную подсистему. Слово 幸せ *сиawasэ* включает такие семы, как «жизнь», «судьба», «дары», «случайная встреча», «удача», 幸福 *ко:фуку* содержит сему «благополучие», «благоденствие», «процветание», «богатство», 幸い *сайвай* – «удобный случай», «благоприятное стечение обстоятельств». Таким образом, можно заключить, что в рассматриваемом концепте «счастье» выделяются такие семантические компоненты, как «радость, удача, благосостояние, судьба, везение, случайная встреча, благополучие, дары, удобный случай, богатство, процветание», которые составляют его смысловое ядро и выполняют функцию концептуальных признаков, участвующих в процессе реализации данной лексемы. Эти признаки являются основой ценностной составляющей, которая определила лингвокультурологическое содержание ключевого слова СЧАСТЬЕ как концептуальной универсалии.

Лексико-семантический анализ концепта «счастье» позволил установить межконцептуальные связи: счастье – труд, счастье – терпение, счастье – богатство, счастье – судьба, счастье – удача, счастье – красота.

Анализ концептов предусматривает характеристику ценностной стороны, основанной на сопоставлении сочетаемости понятийных признаков с позитивными и негативными оценочными компонентами. Наиболее ярко данная составляющая представлена во фразеологии – в пословично-поговорочном фонде языка, устойчивых словосочетаниях, идиомах¹². Анализ фразеологизмов, паремиологического материала, в котором актуализируется исследуемый концепт, показал амбивалентность счастья и несчастья в японском языковом сознании. Счастье и несчастье не только взаимосвязаны, но и взаимообусловлены, зачастую одна категория является непременным условием другой.

Лексема «счастье» в японском языковом сознании соотносится с лексемами «судьба», «рок», что актуализирует предначертанность, неизбежность как счастья, так и его антипода – несчастья и страданий. В то же время была выделена группа паремий, в которых отражена точка зрения, что счастье является результатом труда, личных заслуг человека.

Исследование привело нас к выводу, что фелицитарная семантика паремиологических единиц указывает на праксеологические аспекты счастья, оптимальные способы его достижения: чтобы быть счастливым нужно трудиться, быть честным, предусмотрительным, не терять присутствия духа в трудные минуты и пр.

Анализ паремий показал, что в обиходном сознании деньги не

¹² Гуревич Т.М. Человек в японском лингвокультурном пространстве. – Монография. – М.: МГИМО(У) России, 2005. – С. 28.

воспринимаются как необходимый атрибут счастья, часто счастье отождествляется с удачей, везением.

Этническая специфика осмысления счастья проявляется в умозрительном, созерцательном отношении японской личности к своему счастью. Во фразеологическом языке отразилось определенное «недоверие» к счастью, осторожное отношение к его поискам, желание его «не спугнуть». Не характерны активные действия в достижении счастья, а также упоение счастливым состоянием. Счастье может быть лишь мимолетным, призрачным, непостоянным, что соотносится с буддийскими представлениями о бренности и быстротечности земного существования.

Восприятие мира в его единстве и целостности присуще каждому народу, это получает соответствующее концептуальное оформление. Природный фактор в японской традиции является понятийной составляющей многомерного концепта счастье. Счастье для каждого японца немыслимо без тяготения к слитности с естественным миром, обусловленного языческим восприятием природы, анимистическими и тотемистическими взглядами.

В отличие от европейской культуры, которая в паре «человек – явление природы» подчеркивает главенствующее положение человека во вселенной, в традиционной японской культуре сама субстанция языка выражает неприятие антропоцентристской модели мира и утверждает языческую идею тождества природы и человека.

Как показал проведенный лингвокультурологический анализ, основой для стереотипных представлений о счастье выступают природные явления и растительный мир. К анимистическим образам счастья относятся животные, насекомые, птицы. Популярностью пользуются дошедшие до нашего времени поверья и легенды, ритуалы, связанные с обретением счастья.

В четвертой главе – «Формирование концепта «счастье» в наши дни, степень и характер изменений традиционной японской идентичности в эпоху глобализации» рассматриваются особенности японской идентичности, глобальные факторы, влияющие на трансформацию концепта «счастье».

Современный период развития цивилизации характеризуется сциентистской окраской движений культуры, различные виды практической деятельности оказываются ориентированы главным образом на критерии экономической объективности и целесообразности. При этом происходит утрата не связанных с такими критериями форм сознания, исторической памяти, растёт тревога по поводу нарастающего эмоционального обеднения человека, утраты самоидентичности. Политические, социальные, этнические, экологические и моральные конфликты разрушают ощущение человеческой общности.

Развитие личности в эпоху глобализации является сложным и противоречивым процессом: с одной стороны, происходит расширение границ внешней свободы на основе развития новых видов коммуникации, различных коммуникативных инфраструктур, социальных и политических

институтов, с другой – идет процесс усиления отчуждения личности от общества, государства, от других личностей и от собственной природы. На первый план выдвигаются примитивные формы духовной самореализации человека, что приводит к раздробленности, характеризующейся не глобализацией, а вестернизацией, попыткой навязывания неолиберальных ценностей общемировому социуму, и враждебности – антисинтезу. Большинство тенденций глобализации активно реализуется, нанося урон традиционным и цивилизационным особенностям японцев. С ускорением в современном мире процессов однополярной глобализации, которые по существу представляют собой унификацию на надгосударственной, наднациональной основе, в Японии растет тревога по поводу утраты традиционных японских ценностей, размывания исконной японской идентичности.

Общественное развитие XXI века ярче, чем когда-либо, показывает утопичность попыток построить общество, где счастливы будет каждый без исключения. Как признание необходимости и обязательности счастья, так и безудержное стремление к нему неминуемо разрушают искомое счастье. Как показывают результаты опросов общественного мнения в Японии, для многих людей отсутствие усилий, безмятежное и беспроblemное существование являются синонимом счастья, в то же время многие исследования подтвердили низкую корреляцию между уровнем дохода и ощущением счастья.

Результаты исследований японских ученых (*М.Мацумото, Т.Токиэда*) позволили выявить национальные особенности восприятия концепта «счастье» в Японии. Наряду с такими аксиологическими составляющими, как «здоровье», «семья», «социальные отношения» большое значение имеют «моральные аспекты» счастья. Буддийская традиция проявляется в «отказе от чрезмерных желаний», учит «сдерживать свои потребности», стремиться к «трансцендентальному счастью» дзэн-буддийской направленности, а традиционное японское мировоззрение не мыслит счастья «без достижения гармонии в группе, обществе». Интересно, что «окружающая среда», в том числе и искусственно созданная, является одной из главных составляющих исследуемого концепта. Таким образом, концепт «счастье» в теории *М.Мацумото* рассматривается с точки зрения локоцентризма, а не эгоцентризма, интроверсии, приоритета внутреннего пространства (*уми*) перед внешним (*сото*)¹³.

Профессор университета *Дзёти*, психолог и писательница *Кага Отохико* книге «Теории счастья в несчастной стране» анализирует социально-психологические аспекты счастья в Японии. *Кага* считает, что в

¹³ Мацумото М. Ко:фуку гайнэн но кэнто: – ко:фуку гайнэн но со:готэки буируй но кокороми. (Анализ концепта «счастье» и его классификация). – Дзютэндо дайгаку кнэ: 7 кэн (Бюллетень университета Дзютэндо №7), 1996. – С.83-92.

наши дни японцы «насквозь пропитаны» беспокойством, тревогой (不安 *фуан*, 安心 *ансин*), вызванными экономическими проблемами «общества потребления», острой конкурентной борьбой, страхом оказаться без работы. Растёт число самоубийств: каждый год более 30 тысяч человек сводят счёты с жизнью. Кага пишет, что во время Японо-русской войны 1905 года погибло около 88 тысяч человек. «Мирная страна Япония, которая вот уже 60 лет не знает войны, как будто каждые три года «переживает русско-японскую войну»¹⁴.

По мнению исследовательницы, проблемой, с которой сталкивается нынешнее японское общество, можно назвать «нескончаемую и недостижимую гонку за наслаждениями», «внешними ценностями» – деньгами, вещами, славой, красотой. Удовлетворив одно желание, люди сразу же начинают хотеть чего-то другого, и так до бесконечности»¹⁵.

Рассматривая особенности национального характера японцев, которые мешают им стать счастливыми, можно назвать гораздо более ярко выраженную, чем у русских, американцев или европейцев зависимость от чужого мнения и оценки окружающих. Это объясняется культурными и социальными особенностями развития японского общества.

Ещё одной чертой, присущей японцам, превращающей Японию в «несчастную страну», Кага называет пассивность, страх оторваться от коллектива, неумение высказывать и отстаивать своё мнение. Такая позиция проявляется в таких выражениях, как «не знаю» (わからない *вакаранай*), «мне это неинтересно» (興味がな^い *кё:ми га най*), «ничего не поделаешь» (仕方がな^い *сиката га най*), «все равно ничего не изменишь» (どせ変わら^{ない} *до:сэ каваранай*)¹⁶.

Свойственный языку способ концептуализации действительности имеет национальные особенности – носители разных языков по разному видят мир. В целях экспликации концептуально значимых признаков концепта «счастье» нами была рассмотрена лингвокультурная специфика его вербализации на материале книги Коносукэ Мацусита «Принципы успеха». Изучение концепта не только в качестве авторского ментального образования, но и с точки зрения акцентуации ценностной составляющей, способствовало лучшему пониманию менталитета японцев.

Неповторимая и исполненная смысла жизнь – это и есть счастье. «У каждого из нас собственная тропинка... Иногда дорога широкая и спокойная, иногда узкая и опасная. Бывают взлёты, бывают падения. Иногда она может быть прямой и гладкой, а в другое время становится крутой и изнурительной... Путь может казаться долгим, а цель недостижимой, но если вы весь, без остатка, устремлены вперёд, новый путь всегда будет открыт для

¹⁴ Кага О. Фуко: на куни но ко: фуку рон. (Теории счастья в несчастной стране). – Токио, 2010. – С.62.

¹⁵ Кага О. Фуко: на куни но ко: фуку рон. (Теории счастья в несчастной стране). – Токио, 2010. – С.32.

¹⁶ Там же. – С.101-102.

вас. И это принесёт вам глубочайшее СЧАСТЬЕ»¹⁷.

СЧАСТЬЕ является очень продуктивной идеей, которая отвечает чаяниям всех без исключения людей, поэтому лозунг обеспечения «счастливой жизни» активно используется в социуме, в том числе, и в политических целях. Подтверждением тому явилось создание 30 июня 2009 года в Японии Партии осуществления счастья (ПОС) (幸福実現等党 *ко: фуку дзицугэн то:*)¹⁸.

Основатель ПОС *Рюхо Окава*¹⁹ – глава религиозного движения под названием «Счастливая наука»²⁰ (幸福の科学 *ко: фуку но кагаку*), которое относится к т.н. «новым религиям».

Программа ПОС в высшей степени эклектична и синкретична, она базируется на японской религиозной традиции, смешении синтоистских, буддийских, конфуцианских, христианских идей, заимствований из других религий.

Рассмотрение программы ПОС, исследование основ учения «Счастливая наука» на материале книги *Окава* «Законы счастья» позволили прийти к выводу, что в национальном сознании японцев счастье расценивается как относительное, а не абсолютное благо. Несмотря на то, что концепт «счастье» сверхэксплуатируем, «затерт» массовой культурой, активно используется не только в социальном, но и политическом дискурсе, традиционное западное требование «счастья каждому» воспринимается японской языковой личностью как нереалистическое и даже опасное, разрушающее традиционные японские устои.

Актуализация концепта «счастье» в японском национальном сознании происходит на фоне его антипода несчастья и страданий. Идеология подчинения природы, произрастающая на почве искусственности, имеет деструктивную направленность, что подтверждает рост экологических проблем и катастроф планетарного масштаба, к которым можно причислить мартовское землетрясение 2011 года в районе Тохоку и аварию на АЭС Фукусима. В минуты национального бедствия японский народ проявил лучшие черты национального характера, такие как, сплоченность, дисциплинированность, самообладание, взаимопомощь, терпение.

¹⁷ Мацусита Коносукэ. Принципы успеха. – М., Альпина бизнес букс., 2009. – С.125-126.

¹⁸ <http://www.hr-party.jp/inauguration/index.html>

¹⁹ Рюхо Окава родился в 1956 году, окончил юридический факультет престижного Токийского университета, работал в отделении японской торговой компании в Нью-Йорке, там же изучал финансы. В марте 1981 года Окава пережил «великое озарение», после чего стал называть себя Эль Кантаре, воплощением Эль, Высшего Разума. В 1986 году Рюхо Окава основал религиозную организацию «Счастливая наука», которое в настоящее время представляет из себя мощное религиозное движение с представительствами в 80 странах. Число адептов «Счастливой науки» в 2010 году превысило 12 миллионов человек [<http://ja.wikipedia.org/wiki/幸福の科学>].

²⁰ «Счастливая наука» издает несколько журналов, имеет свое телевидение, издательство. Окава – автор более 500 книг, три из которых были экранизированы, он регулярно проповедует свое учение не только в Японии, но и в других странах, выступая с лекциями. «Счастливая наука» называет его «живым Буддой», высшим духовным существом на земле. Окава утверждает, что во время духовных практик ему передали свои сокровенные знания Будда, Иисус, Мухаммед и Конфуций.

Катастрофа показала, что коллективизм, чувство долга, самоотречение, готовность поступиться своими интересами и даже пожертвовать собственной жизнью ради спасения общества – норма поведения для японской личности.

В Заключении приводятся обоснованные исследователем выводы.

Несмотря на кажущуюся наднациональную универсальность такого понятия как счастье, не все идеи, заключенные в соответствующих разноязычных концептах, совпадают. На показатели субъективного ощущения счастья и удовлетворенности жизнью людей, живущих в разных странах, существенное влияние оказывают этнокультурные различия, национальное сознание и мировосприятие.

Японская культура сохранила в себе черты традиционности, в ней слабее, чем в западной культуре выражено индивидуальное начало. Индивидуализм, стремление отстаивать собственные эгоистические интересы исторически не рассматривались как нечто нормальное и естественное, как благо, а наоборот, всегда порицались. Характерным для японского стереотипа поведения является т.н. «боязнь» счастья, проявляющаяся в ощущении чувства внутренней неловкости и психологического дискомфорта из-за того, что многие другие люди несчастны и страдают, в то время как тебе хорошо и ты счастлив. Японцы как бы стесняются своего счастья, предпочитают его преуменьшить, а не приукрасить. Эта национальная черта характера японцев отличается от западной, при этом она близка по духу русской традиции, для которой СЧАСТЬЕ редко соотносится с реально-земными повседневными эмоциями и относится к категории высокого, метафизического порядка.

Восприятие мира в единстве и целостности получило концептуальное оформление в мировоззрении японцев. По мнению многих культурологов, осознавая разницу между субъектом и объектом, причиной и следствием и т. д. в духе привычной для европейцев логики, японцы зачастую рассматривают их не как противоположности, а как взаимодополняющие элементы, переходящие в друг друга наподобие даосской модели *инь-янь*.

Японскому мировосприятию присуще обостренное чувство времени. Иногда его объясняют четкой и стремительной сменой времен года, природными катаклизмами, иногда – ограниченностью пространства островной страны. Каждый момент жизни на фоне линейности и цикличности времени переживается в его сиюминутности, это соотносится и с концептом «счастье», который приобретает черты «мимолетности», «потусторонности». Характерной чертой японского мировосприятия является «интуитивный и эмоциональный» образ мышления. Японцы предпочитают непосредственный эмоциональный контакт с человеком и природой. В их мышлении преобладают интуиция над рационализмом, конкретность над абстрактностью. Рационализм признается только на инструментальном уровне. Эти традиционные особенности японского мышления проистекают из типичного представления о конечной реальности как о «здесь и сейчас».

Проведенный лингвокультурологический анализ концепта «счастье» позволяет заключить, что исследуемый концепт представляет собой многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются понятийные, образные, аксиологические составляющие. Понятийное содержание сводится к здоровью, благополучию, успеху, гармонии, благосостоянию, удаче, везению, образные образуются в результате метафоризации определенных значений, вербализируются в символах, обрядах, ритуалах, стереотипах поведения, традициях, цветообозначениях, затрагивают глубинные слои сознания и отражают национальные культурнообусловленные особенности японской лингвокультуры.

Фразеологические и паремнологические средства актуализации данного концепта отражают морально-нравственные нормы японского коллективного сознания, играют важную роль в выявлении национально-культурной специфики. Концептуально значимым признаком исследуемого концепта является дихотомия, взаимообусловленность и взаимозависимость счастья и несчастья.

Результаты исследования позволили констатировать, что этнокультурной особенностью концепта «счастье» в японской лингвокультуре можно назвать отсутствие устойчивых оборотов, свидетельствующих о том, что любовные чувства составляют «японское счастье». В этом нам видится особенность отражения исследуемого концепта в языковом сознании японцев. Японская культура относится к закрытым типам культур с точки зрения ее направленности на внешнюю среду. В японской традиции не принято говорить о сокровенном, признания в любви, открытое выражение чувств считается неприличным, вероятно, поэтому важный в западной культуре компонент концепта «счастье» «любовь» не оказался представленным в пословицах, поговорках, фразеологизмах, фиксирующих этическую картину мира.

Результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

В изданиях, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ:

1. «Влияние норм традиционной японской морали на формирование концепта «счастье» // Журнал «Вестник МГИМО-Университета» №3(18) 2011. С.253-259 / 0,7 печ.л.
2. «Специфические особенности традиционной религии синто в японской национально-культурной традиции и её влияние на формирование концепта «счастье» // Журнал «Вектор науки Тольяттинского государственного университета» №1(15) 2011. С.336-340 / 0,6 печ. л.
3. Концепт «счастье» в религиозном и философском дискурсе: репрезентация буддийских ценностей в японском национальном сознании // Журнал «Вестник МГИМО-Университета» №2(8) 2012. / 0,7 печ. л. (в печати)

В других изданиях:

4. «Лингвокультурологические и социокультурные особенности выступления на японском языке» // При поддержке Японского Фонда. Японский язык. Методика преподавания японского языка. Сборник статей. Под редакцией Л.Т.Нечаевой. Материалы 22-й международной конференции преподавателей японского языка России и стран СНГ (октябрь 2010 г.) – М.: 2010. С.38-50 / 0, 25 печ. л.

5. «Семь богов счастья в японской национальной культуре» // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Восьмой межвузовский семинар по лингвострановедению (Москва 15-16 июня 2010 г.): сб. статей. В 2 ч. – ч.1. Языки в аспекте лингвострановедения. Отв. ред. Л. Г. Веденина / Московский государственный институт международных отношений (университет). – М.: МГИМО – (У), 2011. С. 69-75 / 0, 25 печ. л.

6. «Анализ паремиологической репрезентации концепта «счастье» в японской лингвокультуре» // Филологические науки в МГИМО : Сборник научных трудов. – № 44 (59) / Отв. редактор Г.И. Гладков. – М.:МГИМО (У) МИД России, 2011. С.32-38 / 0,25 печ.л.

7. «Этноязыковая репрезентации концепта СЧАСТЬЕ в японской лингвокультуре» // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Девятый межвузовский семинар по лингвострановедению (Москва 15-16 июня 2011 г.): сб. статей / 0,25 печ.л. (в печати).

8. «Актуализация концепта «счастье» в даосизме и конфуцианстве» // Японский язык ВУЗе: Актуальные проблемы преподавания. Выпуск 6. Методика преподавания японского языка. Сборник статей. Материалы научно-методической конференции «Японский язык и проблемы преподавания» (октябрь 2011 г.) – М.: ИД «Ключ-С». С.58-64 / 0, 25 печ. л.

9. «Глобальные факторы, влияющие на трансформацию концепта «счастье» в Японии» // Материалы 14-й международной конференции «Россия и Запад: диалог культур», 24–26 ноября 2011. / 0, 5 печ. л. (в печати).

10. «Природа» как понятийная составляющая концепта «счастье» (на материале японского языка) // Филологические науки в МГИМО : Сборник научных трудов. – № 47 (62) / Отв. редактор Г. И. Гладков. – М.:МГИМО (У) МИД России, 2012. С.71-76 / 0, 25 печ. л.

Подписано в печать: 05.04.2012
Объем: 1,5 усл.п.л.
Тираж: 100 экз. Заказ № 90
Отпечатано в типографии «Реглет»
119526, г. Москва, Страстной бульвар, д. 6, стр. 1
(495) 978-43-34; www.reglet.ru